

Одинокое материнство: социально-юридический этюд¹

Н.Н. Тарусина

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

Рассматриваются вопросы о юридических основаниях возникновения одинокое материнства в различные периоды развития российского законодательства – от имперского до настоящего времени. Дается критическая оценка ряду нормативно-правовых решений, дискриминирующих статус одинокой матери. Предлагается социальная характеристика одинокое материнства. Выявляются социально-юридические разновидности данного явления – одинокое материнство на основе фиктивного развода, фактического вдовства, суррогатного материнства, эмансипированного мировоззрения и др.

Ключевые слова: одинокое материнство, основания возникновения, исторические и современные тенденции явления, дискриминационные решения, социальный портрет, особые случаи одинокое материнства.

В официально-нормативной юридической терминологии явление одинокое материнства («одинокое матери») проникло в российское (советское) законодательство в 1944 г. – с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» [5]. Данное терминологическое упреждение не только активно реализуется в современном российском законодательстве и правоприменительной практике, а также иных социальных практиках (в том числе в жесткой вариации «мать-одиночка»), но и «обогащено» союзом с термином «одинокая женщина», более широким по объему и еще более негативным по интеллектуальному и эмоциональному восприятию. Последний присутствует в нормах ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» («Одинокая женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий») [4], а первый – в Трудовом кодексе РФ (ст. 2261 и 263) [2]. При этом, как мы уже отмечали в своих работах [18, с. 117], термин «одинокый мужчина» в законодательстве и правоприменительном обыкновении не только не используется, но даже и не предполагается к использованию. Видимо,

¹ Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

неженатый или вдовый мужчина в нашем гендерном идеологическом и филологическом менталитете одиноким не является и не мыслится по умолчанию. В последние годы появился замещающий (и гендерно нейтральный) термин «одинокий родитель», однако и обсуждаемый дискриминационный контекст не дезавуирован.

Между тем именно в означенном контексте одинокое материнство (как явление) имеет глубокие исторические корни и разнообразно яркие образцы – от княжеского до имперского российского законодательства. Они являлись следствием вдовства и внебрачного родительства. В последнем случае женщина становилась единственной носительницей родительской власти, отцовская же власть допускалась лишь в случаях узаконения внебрачного ребенка, что было скорее исключением, нежели правилом, особенно в дворянской среде, но даже и тогда она была слабее материнской [19, с. 632–635]. При этом, как отмечается в исторической науке, законодатель того периода решал не только идеологические задачи, но и сугубо прагматичные: предотвращение детоубийства, прикрывающего «женский позор», а также определение субъекта по уплате подушной подати (последнее являлось заботой владельцев одиноких матерей-крестьянок) [11, с. 281]. «Материнским одиночеством» могло сопровождаться и вдовство (с законным рождением ребенка в установленный после смерти мужа срок), однако оно не несло той социальной напряженности и того общественного осуждения и тягот, которые сопровождали классическое внебрачное материнство.

Дальнейшая тенденция относительно одинокого материнства характеризовалась явной противоречивостью. Так, запрет аборт в 1936 г. достаточно жестко отразился на социальном статусе всех советских женщин, но особенно незамужних («одиноких»), т. к. именно они в ситуации следования данному запрету, как правило, были лишены поддержки и мужчины-партнера, и общества, и государства¹. Означенное ранее Указом ПВС СССР от 08.07.1944 г. их положение оказалось еще более ущемленным, т. к. наряду с поддержкой многодетности (что было, есть и будет объективно необходимо, и нами, конечно, приветствуется), им предусматривался полный отказ в правовой защите внебрачного детства и материнства: запрещалось добровольное (административное) и судебное установление отцовства ребенка, рожденного за пределами законного брака (а также и детей, рожденных в фактическом супружестве, если не последовало его узаконение по предложенным правилам). В этом смысле советское законодательство, по сути, вернулось к имперской традиции, что оценивается нами как неприемлемое решение, нарушающее права

¹ В социологии отмечается, что замужние женщины в целом положительно реагировали на данный запрет [12, с. 34].

женщины, дискриминирующее ее [13, с. 139]. Незамужние женщины в силу естественного стремления к материнству, конечно, продолжили свое великое предназначение. Видимо, в том числе и на это был расчет. Однако расчет, по сущности своей не отвечающий справедливым и гуманистическим началам, на коих следует строиться семейному законодательству.

Как известно, данное нормативное решение было изменено лишь в 1968 г. (в Основях законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик и подтверждено в ст. 48 Кодекса о браке и семье РСФСР (далее – КоБС РСФСР) 1969 г.). Однако изменение оказалось с изъяном: правила ст. 48 предусматривали исчерпывающий перечень обстоятельств (оснований иска, элементов предмета доказывания), сводившихся к фактическому браку (совместному проживанию и ведению общего хозяйства), совместному воспитанию/содержанию ребенка либо признанию своего отцовства, что не охватывало всего многообразия жизненных ситуаций. Это, в частности, подтверждается и материалами дела по жалобе И.Л. Шульгиной в Конституционный Суд РФ [6], которые свидетельствуют, на наш взгляд, об избыточно формальном подходе к проблеме: по сути, заявительницей оспаривалась конституционность нормы ст. 48 КоБС РСФСР (ущемляющая права ее и рожденного ею вне брака ребенка) – во взаимосвязи с нормами ст. 49, п. 2 ст. 168 и п. 1 ст. 169 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [3]. В норме ст. 49 были сняты ограничения по основаниям иска и содержанию предмета доказывания, но означенными нами нормами о введении в действие СК РФ данному решению не придана обратная сила, что ставило детей, рожденных одинокими матерями в период действия дискриминационной нормы ст. 48 КоБС РСФСР, в неравное положение с детьми, рожденными после указанного срока¹. Соображения Суда о значении генетической экспертизы как лишь одним из средств доказывания и судебного познания не исчерпывает проблемы: набор косвенных доказательств и результат данного экспертного исследования далеко не всегда приводил к положительному решению суда, основанному на толковании нормы ст. 48 КоБС РСФСР и, напротив, следование смыслу положений ст. 49 СК РФ вполне позволяет удовлетворять иски об установлении отцовства.

Однако в конце 2024 г. Конституционный Суд РФ, не меняя своей правовой позиции относительно конституционности нормы ст. 48 КоБС РСФСР, в своем постановлении подчеркнул, что трактовка судами ее смысла не обеспечивает равной защиты прав граждан и не должна исключать возможность признания факта происхождения ребенка от определенного лица посредством молекулярно-генетической экспертизы, в связи с чем выявленный конституционно-правовой смысл

¹ Подробнее об этом см. другие наши труды [14, с. 73].

указанной нормы, толкуемый в системе с нормами гражданско-процессуального закона о правилах доказывания, является общеобязательным при ее применении [7]. Это, разумеется, принципиально меняет поход к проблеме. При этом полагаем, что существо решения как раз и свидетельствует о необоснованном ограничении прав ребенка и незамужней женщины нормой ст. 48: именно в связи с таковыми суды, в отсутствие установленных ею доказательственных фактов, и не могли опираться на соответствующее экспертное заключение.

Следует также заметить, что и в формулировке нормы ст. 49 действующего кодекса, предполагающей свободу судейского усмотрения по рассматриваемой категории семейных дел, не обошлось без своеобразного «рудимента», созвучного с прежней позицией законодателя: судам предписывается опираться исключительно на достоверные доказательства. Видимо, при решении других юридических казусов это требование не относится к обязательным?... (Предположение хотя и абсурдно, но вполне соответствует формально-логическим построениям, особенно в системе с другими материально-правовыми нормами.)

Предложенные факты и соображения подтверждают заявленный нами ранее тезис о противоречивой тенденции российского законодательства в вопросе определения статуса одинокой матери и справедливой охране и защите ее прав и интересов.

Согласно социологическим исследованиям среди женщин обсуждаемой группы 15 % имеют возраст от 26 до 30 лет, 78 % – от 31 до 50 лет. Из них 43 % воспитывают одного ребенка, 39 % – двоих детей, 18 % – троих; 48 % не состояли в браке, более трети находятся в разводе; 70 % женщин занимаются профессиональной деятельностью, более трети – с высшим образованием; около 57 % женщин обеспокоены материальными проблемами, которые частично снимаются социальной поддержкой государства [12, с. 35]. Разумеется, их социальные портреты существенно различаются, но объединяет, за редким исключением, одно общее качество – достойное материнство (которое не менее, если не более достойно должно сопровождаться эффективными мерами государственной поддержки – от материальной до идеолого-духовной и психологической).

В настоящее время явление одинокого материнства, наряду с классическим, характеризуется разнообразием оснований возникновения и актуализируется специфическими вариациями. Так, оно может оказаться следствием смерти отца ребенка, лишением его родительских прав (либо их ограничением, в том числе вследствие недееспособности), признания безвестно отсутствующим. Фактическое одинокое материнство возникает в связи с нахождением отца ребенка в

местах лишения свободы (вплоть до пожизненного срока), уклонением его от выполнения родительских обязанностей.

К особым, совершенно необычным случаям, относится фиктивный развод, осуществленный с целью приобретения женщиной («бывшей супругой») обсуждаемого статуса в целях получения социальных пособий и иных льгот, при сохранении между мужчиной и женщиной отношений, характерных для действительного супружества. Поскольку подобная ситуация должна квалифицироваться как безусловно незаконная, возникает вопрос о схеме правовых последствий. Однако семейное законодательство среди разнообразных видов фиктивных актов регулирует только фиктивность в брачной сфере (фиктивный брак как основание признания его недействительности – ст. 27 СК РФ), на фиктивные брачный договор и соглашение о разделе общесупружеского имущества реагирует с помощью гражданского закона о сделках, на фиктивную опеку – только через общие основания ее отмены, на фиктивное усыновление/удочерение – посредством применения оснований для отмены судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам, на фиктивное взыскание алиментов – неопределенно, но с возможностью исследования судом действительных взаимоотношений сторон, а фиктивный развод (и фиктивное признание отцовства) оставляет за скобками ясных (или возможных) правовых последствий [17]. В доктрине же и судебной практике распространены противоположные подходы – от допущения полной аналогии с нормами о признании недействительным фиктивного брака до лишь частичного применения правовых последствий (например, аннулирования незаконно полученных материальных благ). Последняя версия представляется, до необходимой (долго ожидаемой) корректировки СК РФ, более обоснованной: аннулирование только побочного результата фиктивного развода (к которому, собственно, супруги и стремились) – с оставлением основной ситуации без правопрекращающего решения относительно судьбы самого брачного союза [10, с. 53].

Своеобразную и самостоятельную нишу занимают «одинокие матери» с «эмансипированной изюминкой» своего мировоззрения и жизнедеятельности. Они, как правило (хотя, разумеется, есть и исключения), имеют высшее образование, карьерно успешны и приобретают социальный статус одинокой матери осознанно. Соответственно, избегают документально фиксировать отцовство ребенка (любыми предоставленными семейным законом способами) и нередко не стремятся использовать даже такую щадящую их суверенную позицию технологию, как фиктивная запись об отце ребенка (ч. 3 ст. 51 СК РФ). В доктрине высказано предположение, что диспозитивный характер данной нормы («...по указанию матери») не нарушает интересов ребенка [9, с. 41], с чем мы не согласны: отсутствие в «метрике» сведений об отце может стать известным

недобросовестным третьим лицам, а также и самому ребенку, что вряд ли окажет благоприятное воздействие на его мировосприятие в целом и семейный статус в частности.

Среди вдов к особой категории можно отнести женщин-матерей, состоявших в фактическом супружестве. С одной стороны, семейный закон предоставляет возможность как прижизненного признания мужчиной-партнером по данному союзу своего отцовства (или его судебного установления), так и посмертного отыскания родительства (ст. 50 СК РФ), а также не дифференцирует статус детей в зависимости от обстоятельств их рождения. С другой стороны, хотя такие «фактические вдовы» имеют право на детские пособия и другие детские льготы, сами они поддержки государства лишены, что для их семьи немаловажно. Среди них и вдовы погибших участников СВО. Как известно, после общения таких женщин с Президентом России в Государственную Думу РФ в январе 2024 г. был внесен законопроект [7], приравнивающий их по социальным льготам и другим позициям к вдовам, состоявшим с погибшими мужчинами в браке. Однако, во-первых, новеллы локализованы в Гражданском кодексе РФ [1], что, на наш взгляд, не соответствует сущностной природе отношений в фактическом браке как разновидности семейного союза [16, с. 371–372]. Во-вторых, проект не охватывает всех значимых, с гуманистической (и справедливой) точки зрения, ситуаций: 1) цифровое ограничение в три года пребывания в фактическом супружестве вызывает сомнение, т. к. перед нами не имущественная сделка, а сложный комплекс личных отношений; 2) погибший боец мог формально состоять в зарегистрированном браке и в течение более 5 лет (как пример) – в фактическом (как известно, фактическое прекращение брачных отношений, устойчивое и длительное раздельное проживание нормой ч. 4 ст. 38 СК РФ признается юридически значимым и дает суду право квалифицировать имущество, нажитое в этот период, раздельным, а обратная ситуация, нами обозначенная, во внимание не принимается); 3) распространение на обсуждаемый семейный союз требований, предъявляемых к юридической действительности союза зарегистрированного, в целом является верным, однако не следует забывать, что несоблюдение оных при заключении брака предполагает льготы для добросовестной стороны в недействительном браке (ст. 30 СК РФ): логично, а главное справедливо было бы иметь в виду данное правило и для фактического супружества. Следует также заметить, что, несмотря на президентское одобрение просьбы фактических вдов, законопроект с января 2024 г. находится в «подвешенном» состоянии (включен в программу октября 2024 г.).

Обладает спецификой и одинокое материнство, возникшее в рамках программы по вынашиванию ребенка для генетических родителей-

заказчиков. Оно возникает, если суррогатная мать¹ реализует предоставленное ей право отказать заказчикам в записи об их родительстве и оставить ребенка под своей опекой (ч. 4 ст. 51 СК РФ). Данное право с завидным постоянством подвергается не только доктринальной критике, но и неоднозначно оценивается высшими российскими судами – Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ². Тем не менее норма сохраняет свою силу и расставленные приоритеты. Мы же полагаем, что она должна быть преобразована из императивной в диспозитивную – с тем чтобы у суда при разбирательстве и постановке решения по конкретному делу имелось право выбора, право на действия по судебскому усмотрению с ориентацией не только на факты злоупотребления суррогатной матерью своим правом, но и на оценку индивидуальной конфликтной ситуации, семейного положения сторон, иных обстоятельств их жизни. Следует также иметь в виду, что заказчиком может выступать женщина, страдающая бесплодием. В этом случае появляется своеобразная коллизия интересов двух «одиноких женщин»...

Предложенные размышления не исчерпывают всей «портретной галереи» одинокого материнства и всего юридического контекста, его окружающего, однако они позволяют раскрыть наиболее явные черты данного явления, увидеть законодательные пробелы или несправедливые нормативные решения, ему прямо или опосредованно посвященные.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ. Часть 4 (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (с изм. и доп.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // СПС «Гарант».
6. Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 г. № 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шульгиной Ирэны

¹ Мы неоднократно критиковали использование данного термина, подчеркивающего, по сути, сомнительность программы...

² Подробно об этом см. в других наших трудах [15].

Леонидовны на нарушение конституционных прав несовершеннолетнего Шульгина Святослава Сергеевича частью 2 статьи 48 КоБС РСФСР и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 г. № 9 «О применении Семейного кодекса РФ при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.11.2024 г. № 55-П по делу о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в связи с жалобой гражданки М.» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (о фактических брачных отношениях) [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 27.09.2024).

9. Ильина О.Ю. Применение аналогии закона и аналогии права при регулировании отношений в сфере регистрации рождения детей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2014. № 3. С. 38–45.

10. Микрюков В.А. Пределы аналогии в установлении правовых последствий фиктивного развода // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77. № 6. С. 46–56.

11. Полянский П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2016. 399 с.

12. Ростовская Т.К., Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н. Одинокие матери в российском обществе: штрихи к социальному портрету // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 32–42.

13. Тарусина Н.Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 1. С. 131–146.

14. Тарусина Н.Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 7. С. 68–84.

15. Тарусина Н.Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 2. С. 95–109.

16. Тарусина Н.Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // Демидовский юридический журнал. 2023. Т.13. № 3. С. 364–381.

17. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 52–56.

18. Тарусина Н.Н. Субъективные заметки о юридических терминах // Вестник ТвГУ. Серия : Право. 2022. № 3 (71). С. 115–122.

19. Шершеневич. Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 5-е изд. Казань, 1905. 795 с.

Об авторе:

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», Заслуженный юрист РФ, SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

Single motherhood: a socio-legal study

N.N. Tarusina

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl

The questions of the legal grounds for the emergence of single motherhood in various periods of the development of Russian legislation – from the imperial to the present time are considered. A critical assessment is given to a number of regulatory and legal decisions that discriminate against the status of a single mother. A social characteristic of single motherhood is proposed. The socio-legal varieties of this phenomenon are revealed – single motherhood based on fictitious divorce, actual widowhood, surrogate motherhood, emancipated worldview, etc.

Keywords: *single motherhood, the reasons for its occurrence, historical and modern trends of the phenomenon, discriminatory decisions, social portrait, special cases of single motherhood.*

About author:

TARUSINA Nadezhda – PhD in Law, Professor, Head of the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Honored Lawyer of the RF, SPIN-code: 5565-5523, SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

Тарусина Н.Н. Одинокое материнство: социально-юридический этюд // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. №. С. 213–221.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.